
ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

А.О. БЕЛЯКОВА*

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ: РЕГИОНАЛЬНАЯ ДЕРЖАВА В НЕОИМПЕРСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу концептуальных оснований внешней политики Турецкой Республики на современном этапе. Основываясь на сопоставлении ряда эмпирических данных с перечнем теоретических индикаторов, разработанным Д. Нолте, автор причисляет Турцию к региональным державам и одновременно отмечает недостаточность объяснительного потенциала этого концепта для анализа современной внешней политики страны. В логике теории Х. Спрюйта об институциональной конкуренции и селекции политических форм выдвинута гипотеза о том, что современная мировая политическая динамика приводит к появлению политических образований нового типа – неоимперий. В статье сформулировано понятие неоимперскости как характеристики внешней политики и проведен сравнительный анализ «имперскости», «постимперскости» и «неоимперскости». Отмечено, что «постимперскость» отражает спонтанное, непроизвольное влияние имперского прошлого на последующее развитие ядра и периферии империи в рамках национального государства, в то время как «неоимперскость» предполагает намеренную адаптацию имперского опыта к современным реалиям с целью более эффективного участия в глобальной конкуренции. Анализ ряда значимых политических решений и действий Турции последнего периода позволяет сделать вывод о том, что внешняя политика страны приобрела неоимперский характер.

* **Белякова Арина Олеговна**, студентка магистерской программы «Международное гуманитарное сотрудничество и внешние связи регионов» Факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Россия), e-mail: aginabeliakowa@yandex.ru

Ключевые слова: региональная держава; империя; неоимперия; неоимперскость; постимперия; постимперскость; внешняя политика Турции.

Для цитирования: Белякова А.О. Внешняя политика современной Турции: региональная держава в неоимперской перспективе // Политическая наука. – 2022. – № 1. – С. 245–257. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.11>

Современная международно-политическая динамика характеризуется снижением влияния традиционно могущественных акторов и появлением новых центров силы. В частности, подобными центрами силы являются так называемые региональные державы. Наиболее весомый вклад в развитие этого концепта внес Д. Нолте. Он предложил перечень индикаторов, на основании которых можно сделать вывод о соответствии или несоответствии той или иной страны критериям региональной державы [Nolte, 2010]. Формат научной статьи не позволяет полностью осветить процесс сопоставления теоретических индикаторов с эмпирическими показателями, но автором было установлено, что Турецкая Республика отвечает почти всем критериям, предложенным Д. Нолте. В частности, она имеет четко артикулированные претензии на региональное лидерство, обладает значительными экономическими, военными, демографическими и идеологическими ресурсами для влияния в регионе, играет весомую роль в формировании региональной повестки в сфере безопасности, имеет прочные политические и культурные связи со странами региона благодаря совместному историческому прошлому и общности современных вызовов и проблем. По мнению ряда исследователей, стремление Турции к региональной гегемонии отчетливо проявилось во время «арабской весны» 2011 г. [Sucu et al., 2021].

Однако теоретическая рамка региональной державы позволяет составить представление о внешнеполитическом потенциале Турции, но не о концептуальной составляющей ее внешней политики. Стратегии региональных держав на международной арене весьма вариативны, что не всегда находит убедительное объяснение. Как представляется, эвристически ценный подход к обоснованию этой вариативности может быть найден в русле институциональной парадигмы и, в частности, теории Х. Спрюйта. В работе «Государство и его соперники» исследователь обосновывает тезис о том, что в истории случаются периоды интенсификации институциональной конкуренции, в ходе которых на международ-

ную арену выходят носители новых форм политической организации (и происходит их селекция) [Spruyt, 1996]. Непосредственным предметом его анализа было завершившееся победой суверенного государства институциональное соперничество в период Средневековья, но экстраполируя данный подход на современный этап мирового развития, логично предположить, что очередной виток глобальной конкуренции стимулирует переформатирование территориального государства, способствуя поиску и проявлению контуров новых политических форм.

Учитывая ресурсы Турции как региональной державы и роль Стамбула как имперского ядра, представляется возможным выдвинуть гипотезу о том, что эта страна способна трансформироваться в политику нового типа – неоимперию. Как отмечают И.В. Кудряшова и А.С. Козинцев, успешный переход от империи к государству-нации не означает утраты имперской идентичности и опыта, которые могут быть эффективно использованы в условиях изменений международной и внутривосточной среды [Кудряшова, Козинцев, 2021].

Чтобы подтвердить выдвинутую гипотезу, в статье поставлены следующие задачи: проанализировать терминологический аппарат, используемый при анализе развития бывших имперских пространств; провести сравнительный анализ империй и неоимперий как форм политической организации; разграничить термины «постимперский» и «неоимперский»; выявить и объяснить конкретные проявления неоимперскости во внешней политике Турции на современном этапе.

О терминологии: империи, постимперии, неоимперии...

Влияние имперского наследия на последующее развитие бывшего имперского ядра и имперской периферии обычно изучается через призму того эффекта, который оно оказывает на институциональное строительство, конструирование национальной идентичности, перестройку экономических и торговых связей и т.п. Вышеописанный комплекс внутривосточных проблем зачастую называют постимперским (или имперским) синдромом. Но, как отмечают Т.А. Алексеева и Б.И. Ананьев, постимперский синдром не только характеризует внутривосточное развитие

страны, но и предполагает определенную модель ее поведения на международной арене [Алексеева, Ананьев, 2017]. И.Д. Лошкарёв и Д.А. Пареньков выделяют три траектории постимперского внешнеполитического развития: воспроизводство политических практик империи в отсутствие империи, возврат к империи, а также направление, связанное со смещением имперских практик на более низкий уровень взаимодействия [Лошкарёв, Пареньков, 2017].

Зачастую для описания внешнеполитической стратегии государств используется тот же термин, что и при анализе внутривнутриполитических проблем: постимперская. В связи с этим необходимо более подробно остановиться на вопросе терминологии. В научных работах, исследующих развитие бывших империй, содержатся следующие термины: постимперский синдром, постимперское развитие, «миф империи», имперское наследие, неоимпериализм, неформальные империи и, наиболее редко, неоимперскость [см., например: Алексеева, Ананьев 2017; Snyder, 2013; Barton, 2014; Федоренко, 2013].

Под постимперским синдромом понимают комплекс вызовов, характерных для развития обществ, входивших в состав распавшейся империи и находящихся в процессе национального строительства. Поэтому целесообразно ограничить использование этого термина, как и термина «постимперское развитие», сферой внутренней политики.

Имперское наследие – наиболее общее понятие, включающее в себя как положительные, так и отрицательные практики, образцы, институты, мифы, традиции, сохраняющиеся в обществе после распада империи. Это понятие чрезмерно широко для исследовательских целей.

Миф империи – понятие, введенное Дж. Снайдером и обозначающее использование мифологизированных представлений об имперском прошлом для оправдания экспансии, легитимации действий элиты и мобилизации населения [Snyder, 2013]. Оно характеризует инструменты влияния на собственное население и отсылает ко внутренней политике.

Под неоимпериализмом понимают политику метрополий в отношении бывших колоний, направленную на извлечение ресурсов.

Понятие неформальных империй, введенное Г. Бартоном, используется применительно к случаям, когда негосударственные акторы, базирующиеся в одной стране, обладают в другой стране

таким объемом ресурсов и потенциалом влияния, что могут оказывать косвенное или даже прямое воздействие на процесс принятия политических решений [Barton, 2014].

Что касается термина «неоимперскость», то на данный момент его консенсусное определение не сформулировано. Под неоимперскостью предлагается понимать совокупность специфических характеристик внешней политики стран – ядер распавшихся империй по освоению бывшего имперского пространства, т.е. по его структурированию в политических, экономических и социокультурных интересах бывшего ядра.

«Постимперскость» и «неоимперскость» различны по своему содержанию. Под первой по сложившейся практике понимаются вопросы внутренней политики, особенности государственного и национального строительства – предполагается, что имперское прошлое оказывает влияние на неимперское настоящее. Напротив, второе понятие применяется для характеристики внешней политики и подразумевает не спонтанное влияние имперского опыта, а намеренное «воскрешение» ряда имперских внешнеполитических практик, но уже в трансформированном виде.

Раскрытие сущностных характеристик неоимперскости требует ее сравнения с имперскостью как качественной характеристикой политий, относимых к империям. Понятие империи является сущностно оспариваемым, что затрудняет сопоставление, но, как отмечает Е.Ю. Мелешкина, сравнительный анализ развития имперских пространств невозможен без обращения к идеальным типам, без упрощений и допущений [Мелешкина, 2013].

Первичной характеристикой империи является экстерриториальность, стремление к постоянному расширению и освоению нового пространства. По выражению С.И. Каспэ, империя является «принципиально разомкнутой, интенционально безграничной» [Каспэ, 2007, с. 125]. Что касается колониальных империй, Г. Бартон предлагает рассматривать их как особый тип, поскольку логика этих империй заключалась в первую очередь в обращении капитала, а не в создании консолидированного территориального образования.

Неоимперия, напротив, не стремится к формальному закреплению на бывшем имперском пространстве, но проникает в него экономически, культурно, символически, политически. Как правило, она также непрерывна. Однако если империя в своих территориальных амбициях принципиально неограниченна, то неоимперская

политика ядра направлена в первую очередь на структурирование бывшей периферии.

По мнению Е.Ю. Мелешкиной, для империй больше, чем для других форм государственности, характерна центр-периферийная поляризованность [Мелешкина, 2013]. Центры осуществляли перераспределение ресурсов внутри империй, способствовали развитию периферии через привнесение институтов и опыта управления, обладали значительным политическим и экономическим влиянием.

Для неоимперской политики эти черты характерны в меньшей степени. После распада империй бывшие периферии проходят свой путь государственного строительства, и степень поляризации снижается. Тем не менее бывшее ядро империи при трансформации в неоимперию может становиться для соседних государств ориентиром с точки зрения политических практик, источником управленческого опыта, драйвером технологического развития.

Вхождение территорий в состав империи означало, что империя устанавливала над ними власть, могла осуществлять прямое силовое принуждение. Основой неоимперской политики является не власть, а влияние. Способность ядра принудить периферию к каким-либо действиям трансформируется в гипотетическую способность его влиять на политику соседних государств таким образом, чтобы склонить их к решениям, наиболее выгодным ему. Как точно подмечают А. Вендт и Д. Фридрихсхайм, неоимперии представляют собой «структуры транснациональной политической власти, которые сочетают эгалитарный принцип юридического суверенитета с иерархическим принципом фактического контроля» [Wendt, Friedheim, 1995, p. 695]. Основанная на влиянии, неоимперская политика требует более тонких механизмов для своей реализации. Это не исключает применения силовых методов, но возможность их использования ограничена.

Конечно, способность имперского ядра к принуждению не означала того, что огромные имперские территории контролировались только угрозой насилия. Империя всегда была тесно сопряжена с идеей, мифом, распространяемыми на присоединенных территориях уже после их покорения. Неоимперская политика, утратив возможность к прямому принуждению, базируется на идее в гораздо большей степени, чем имперская. Невозможность открытого применения силы привела к необходимости развивать мягкую силу, которая, в соответствии с концепцией Дж. Ная,

предполагает способность добиваться желаемых результатов на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности [Nye, 2004]. Неоимперская политика предполагает трансляцию вовне смыслов и ценностей, распространение определенной культурной традиции с целью повышения привлекательности ядра для сотрудничества и взаимодействия.

Еще одной характеристикой империи является наличие универсальной миссии. Н. Фергюсон выделяет борьбу за установление нового порядка в качестве ключевой черты империи [Ferguson, 2003]. В случае с классическими империями исполнение этой миссии было сопряжено с ведением войн, свержением правителей, формированием имперской администрации. Применение силовых методов неоимперией ограничено, но она, как и империя, должна обладать стратегическим видением.

Таким образом, неоимперской может быть названа политика в отношении бывших периферийных имперских территорий, проводимая обладающим значительной сравнительной мощностью ядром бывшей империи. К ее характерным чертам относятся обладание стратегическим видением, направленность на повышение степени влияния ядра на политические, экономические и культурные процессы в странах периферии, опора на механизмы мягкой силы, а также обладание имперской идеей, коррелирующей с прежним имперским опытом.

Неоимперскость во внешней политике Турции

В последнее десятилетие многие действия Турции на международной арене (или имеющие международное измерение) несут в себе признаки неоимперскости. В качестве иллюстрации можно привести ряд примеров.

В сфере культуры таким примером является преобразование собора Святой Софии в мечеть. Этот шаг можно рассматривать как акт символической политики. С.П. Поцелуев отмечает, что основой символической политики является действие как символ, которое формирует некий ясный образец оценки [Поцелуев, 2012]. И действительно, собор находится в Стамбуле, бывшей столице империи, мегаполисе, который сохраняет многие признаки столичности. В разные исторические периоды собор был как главным

православным храмом и главной мечетью империи, так и символом светскости и межрелигиозного диалога. Последнее превращение собора в мечеть стало важным этапом легитимации ислама в официальном дискурсе, заявкой на лидерство в исламском мире и продемонстрировало уважение правящей элиты к имперской традиции и высокий уровень политической самостоятельности страны.

В экономической сфере о неоимперском характере турецкой политики свидетельствуют мегапроекты. Среди мегапроектов, уже реализованных или еще реализуемых на территории Турции, восемь имеют объем инвестиций от восьми до 22 млрд долларов. Среди них – крупнейший в мире международный аэропорт «Стамбул», две скоростные автотрассы, многофункциональный истребитель пятого поколения TF-X (JSF), а также создание основного боевого танка ALTAY и строительство двух АЭС: «Аккую» и «Синоп». Наиболее амбициозным проектом, который президент Турции Р.Т. Эрдоган охарактеризовал как «сумасшедший проект»¹, является искусственный судоходный канал «Стамбул».

Логика транспортных мегапроектов заключается в интенсификации потоков, проходящих через Турцию, усилении позиции страны как «мирового перекрестка»; одновременно мегапроекты повышают «связность» территории самой Турции, усиливают центральное положение Стамбула. И первое, и второе вполне укладывается в представление о неоимперии. Логика мегапроектов в оборонной сфере состоит в повышении самостоятельности военно-промышленного комплекса, а также в усилении роли страны как поставщика передовых технологий в регионе – роли, традиционной для ядра империи.

Многочисленные свидетельства неоимперского характера внешнеполитического курса Турции можно найти в внешнеполитической сфере. Как отмечает И.И. Иванова, «арабская весна» стала как фактором активизации внешней политики Турции, так и шансом для ее становления в качестве значимого регионального игрока [Иванова, 2019]. Серия протестов в арабских странах обострила ряд проблем, имеющих ключевое значение для националь-

¹ Erdoğan: “Kanal İstanbul benim çilgin projem, yakında ihaleye çıkacağız” // Официальный сайт новостного издания “KARAR”. – 2020. – 27 ноября. – Режим доступа: <https://www.karar.com/erdogan-kanal-istanbul-benim-cilgin-projem-yakinda-ihaleye-cikacagiz-1595464> (дата обращения: 10.09.2021).

ной безопасности страны, а именно – проблемы международного терроризма и курдского сепаратизма. В этом контексте стоит подробнее рассмотреть участие Турции в сирийском конфликте.

Для Турции проблема населенных курдами провинций всегда стояла остро. В рамках теории С. Роккана турецкий Курдистан можно рассматривать как периферию [Rokkan, Ugwin, 1983]. Задачей турецких властей по-прежнему остается подавление антиправительственной деятельности Рабочей партии Курдистана (РПК) и дальнейшая интеграция субрегиона в экономическую, культурную и политическую жизнь страны. С началом сирийского конфликта север Сирии, где преимущественно проживают сирийские курды и где расположены базы РПК, стал местом концентрации оппозиции режиму Б. Асада, что без вмешательства внешних игроков могло бы привести к новому витку курдского ирредентизма. Турции необходимо было не допустить наращивания сотрудничества между сирийскими курдами, сирийской оппозицией, другими радикальными группировками и турецкими курдами. Ключевым инструментом достижения этой цели она полагала создание патрулируемой буферной зоны у сирийско-турецкой границы. Ею было проведено три масштабных военных операции, в результате которых такая зона шириной десять километров была создана.

Участие Турции в сирийском конфликте на курдском направлении является показательным примером неоимперскости, поскольку оно направлено на упреждающее устранение стратегической угрозы национальной безопасности и территориальной целостности и характеризуется высокой инициативностью.

В политической сфере неоимперский характер внешней политики страны проявляется в стремлении занять лидерские позиции в исламском мире. Ее устремлениям способствуют такие структурные факторы, как кризис лидерства в арабском мире, недостаточная популярность конкурирующего саудовского неотрадиционалистского проекта, имеющийся многовековой опыт управления регионом.

Одним из инструментов достижения лидерства в мире суннитского ислама для Турции является защита интересов мусульманской уммы. В частности, об этом говорит политическая поддержка, оказываемая Турцией Палестине. Так, после обострения конфликта между Израилем и Палестиной в мае 2021 г. Р.Т. Эрдоган в одном из своих заявлений назвал Израиль «терро-

ристическим государством»¹. В свою очередь, министр иностранных дел Турции М. Чавушоглу заявил, что «умма ожидает от нас (от Турции. – *Прим. авт.*) лидерства»². Демонстративная поддержка Палестины при очевидной прагматической выгоде нормализации отношений с Израилем позволяет рассматривать и этот внешнеполитический шаг как проявление неоимперскости.

Заключение

Анализ ряда внутри- и внешнеполитических действий Турции за последнее десятилетие позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, понятие региональной державы не всегда имеет достаточный объяснительный потенциал применительно к политике бывших имперских центров. Во-вторых, даже трансформация бывшего ядра империи в национальное государство не означает утраты им имперской идентичности и порождаемых ею ориентаций; имперский опыт может быть целесообразно адаптирован к актуальным реалиям и использован в качестве концептуальной направляющей внешней политики страны. В-третьих, внешняя политика Турции несет в себе новый способ организации региональных связей на постосманском пространстве и соединяет борьбу за безопасность с поиском ресурсов для глобальной конкуренции. Наконец, неоимперский потенциал Турции подтверждает принципиальную нестатичность форм политической организации и, соответственно, тезис Х. Спрюйта о том, что национальное государство является далеко не первой, не единственной и не универсальной политической формой [Spruyt, 1996].

¹ Turkey's Erdogan calls Israel "terror state" over Palestinian clashes at Al-Aqsa // Официальный сайт Reuters. 2021. – 8 мая. – Режим доступа: <https://www.reuters.com/world/middle-east/turkey-accuses-israel-terror-over-palestinian-clashes-al-aqsa-2021-05-08/> (дата обращения: 10.09.2021).

² Bakan Mevlüt Çavuşoğlu'ndan 'Filistin' mesajı: Türkiye gereken her adımı atmaya hazırdır // Официальный сайт газеты "Sabah" / Официальный сайт газеты "Sabah". – 2021. – 16 мая. – Режим доступа: <https://www.sabah.com.tr/dunya/2021/05/16/son-dakika-haberi-bakan-mevlut-cavusoglundan-filistin-mesaji-turkiye-gereken-her-adimi-atmaya-hazirdir> (дата обращения: 10.09.2021).

A.O. Beliakova*
**Contemporary Turkey's Foreign Policy:
Regional Power in Neoimperial Perspective**

Abstract. The article examines the conceptual foundations of Turkey's contemporary foreign policy. Based on comparing a range of empirical data with a list of theoretical indicators compiled by D. Nolte the author classifies Turkey as a regional power and at the same time highlights the concept's insufficient explanatory capacity for analyzing the country's contemporary foreign policy. The author forms a hypothesis consistent with H. Spruyt's theory of institutional competition between political forms and of their selection. The hypothesis states that the current political dynamics lead to the emergence of novel political entities – neoempires. To test it, the author defines 'neoempireness' as a feature of foreign policy and undertakes a comparative analysis of 'empireness', 'post-empireness' and 'neoempireness'. It is noted that the term 'post-empireness' reflects spontaneous, unintended influence of the imperial past on the subsequent development of the former empire's core and peripheries as independent national states, whereas 'neoempireness' implies deliberate adaptation of the imperial experience to the contemporary realities for the purpose of engaging in the global competition more efficiently. The analysis of a range of significant political decisions and actions recently taken by the Turkish government allows to make the conclusion that its foreign policy has assumed a neoimperial nature.

Keywords: regional power; empire; neoempire; neoempireness; post-empire; post-empireness; Turkey's foreign policy.

For citation: Beliakova A.O. Contemporary Turkey's Foreign Policy: Regional Power in Neoimperial Perspective. *Political science (RU)*. 2022, N 1, P. 245–257. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.11>

References

- Alekseeva T.A., Ananyev B.I. The Empire phantoms and the world order. *Journal of law and administration*. 2017, N 4(45), P. 86–91. DOI: <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2017-4-45-86-90> (In Russ.)
- Barton G.A. *Informal Empire and the rise of one world culture*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014, 263 p.
- Fedorenko S.P. Features of Empire understanding in the context of the Neo-Imperial state formation. *Philosophy of law*. 2013, N 6(61), P. 72–75. (In Russ.)
- Ferguson N. *Empire: how Britain made the modern world*. London: Allen Lane, 2003, 392 p.
- Ivanova I.I. *Evolution of Turkey's policy in the Middle East in XX–XXI centuries*. Moscow: Editor Vorob'yov A.V., 2019, 380 p. (In Russ.)

* **Beliakova Arina**, Moscow State Institute of International Relations (University), MFA Russia (Moscow, Russia), e-mail: arinabeliakova@yandex.ru

- Kaspe S.I. *Centers and hierarchies: spatial metaphors of power and Western political form*. Moscow: Moscow school of political studies, 2007, 318 p. (In Russ.)
- Kudryashova I.V., Kozintsev A.S. Institutional solutions for sectarian conflicts in the Middle East in the context of imperial legacy. *Political Science (RU)*. 2021, N 2, P. 140–164. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.02.05> (In Russ.)
- Loshkariov I.D., Paren'kov D.A. Post-imperial trajectories in world politics. *Journal of law and administration*. 2017, N 4(45), P. 91–97. DOI: <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2017-4-45-91-96> (In Russ.)
- Meleshkina E.Y. Post-Imperial spaces: peculiarities of state and nation-building. *Political science (RU)*. 2013, N 3, P. 10–29. (In Russ.)
- Nolte D. How to compare regional powers: analytical concepts and research topics. *Review of international studies*. 2010, Vol. 36, N 4, P. 881–901. DOI: <https://doi.org/10.1017/s026021051000135x>
- Nye J. *Soft power: the means to success in world politics*. New York: Public Affairs Group, 2004, 209 p.
- Potseluyev S.P. “Symbolic politics”: history of concept. *Symbolic politics*. 2012, N 1, P. 17–53. (In Russ.)
- Rokkan S., Urwin D.W. *Economy, territory, identity: politics of West European peripheries*. London: Sage publications, 1983, 228 p.
- Snyder J. *Myths of empire: domestic politics and international ambition*. London: Cornell university press, 2013, 559 p.
- Spruyt H. *The sovereign state and its competitors: an analysis of systems change*. Princeton: Princeton university press, 1996, 304 p.
- Sucu A.E., Safranchuk I., Nesmashnyi A., Iskandarov Q. Transformation of middle powers with the decline of world hegemony: the case of Turkey. *Strategic analysis*. 2021, P. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.1080/09700161.2021.1950409>
- Wendt A., Friedheim D. Hierarchy under anarchy: Informal Empire and the East German State. *International organization*. 1995, Vol. 49, N 4, P. 689–721. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0020818300028484>

Литература на русском языке

- Алексеева Т.А., Ананьев Б.И. Имперские фантомы и миропорядок // Право и управление. XXI век. – 2017. – № 4(45). – С. 86–91. – DOI: <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2017-4-45-86-90>
- Иванова И.И. Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики в XX–XXI вв. – М.: Издатель Воробьев А.В., 2019. – 380 с.
- Каспэ С.И. Центры и иерархии: Пространственные метафоры власти и западная политическая форма. – М.: Московская школа политических исследований, 2007. – 318 с.
- Кудряшова И.В., Козинцев А.С. Институциональные решения этноконфессиональных конфликтов на Ближнем Востоке в контексте имперского опыта // Политическая наука. – 2021. – № 2. – С. 140–164. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.02.05>

- Лошкарёв И.Д., Пареньков Д.А.* Постимперские траектории в мировой политике // Право и управление. XXI век. – 2017. – № 4(45). – С. 91–97. DOI: <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2017-4-45-91-96>
- Мелешикина Е.Ю.* Постимперские пространства: особенности формирования государств и наций // Политическая наука. – 2013. – № 3. – С. 10–29.
- Поцелуев С.П.* «Символическая политика»: к истории концепта // Символическая политика. – 2012. – № 1. – С. 17–53.
- Федоренко С.П.* Особенности понимания империи в контексте процессов формирования неоимперской государственности // Философия права. – 2013. – № 6(61). – С. 72–75.